

Иранские студенты в российском вузе: на пути к построению эффективной межкультурной учебной коммуникации

А. Н. АЛЬ-КАЙСИ, Н. В. ЧЕРНЫШКОВА, М. С. ГОНЧАР

АННОТАЦИЯ

Введение. Стратегическое партнерство России и Ирана продолжает укрепляться, что ведет и к росту академической мобильности. В обозримом будущем ожидается существенных прирост доли иранских студентов в российских вузах. Это актуализирует вопросы, затрагиваемые в данном исследовании, а именно: обучение иранских студентов и пути достижения эффективной русско-иранской коммуникации.

Цель исследования: выявить и обобщить ключевую социокультурную информацию об иранском контингенте учащихся, значимую для процесса их интеграции и межкультурной учебной коммуникации в российских вузах и, в частности, для общения российских преподавателей с иностранными студентами.

Материалы и методы. В ходе исследования были использованы 1) аналитический обзор литературных источников, посвященных социокультурным, национальным особенностям иранцев, истории Ирана и ирано-российских отношений, научно-технологическому и экономическому развитию современного Ирана; 2) онлайн-анкетирование иранских студентов, проходящих подготовку по общеобразовательным программам Первого МГМУ им. И.М. Сеченова; 3) контент-анализ полученных в ходе анкетирования данных с последующим составлением облака слов и лепестковой диаграммы.

Результаты. На основе обзора научной литературы и на базе данных, полученных в ходе анкетирования иранских студентов, в исследовании 1) проанализированы 26 литературных источников (научные статьи, книги), на основании чего описаны и пояснены 7 ключевых культурно-национальные особенности иранцев, важных для понимания при построении эффективного русско-иранского диалога; 2) проанкетированы 63 студента из Исламской республики Иран (n=63; 38 мужчин и 25 женщин в возрасте от 18 до 23 лет), идентифицирующих себя как представителей персидской культуры; 3) на основе полученных данных выделены и представлены в виде облака слов а) актуальные ключевые характеристики (n=29) самопрезентации иранцев; б) актуальные характеристики, отражающие представления иранцев о русских (n=26); в) характеристики, описывающие представления иранцев об «идеальном» педагоге (n=18); г) представлены 4 предпочтительные для исследуемого контингента формы коммуникативной учебной деятельности: выполнение проекта в группе, работа в группах, беседа с преподавателем и устный опрос. В работе также предложены коммуникативно-деятельностный подход и три общепедагогических принципа – принцип диалога культур, принцип поощрения или его отсутствия, принцип «прозрачной» оценки – в качестве рекомендуемых для организации обучения в иранских группах, которые могут быть успешно применены и в смешанных группах, состоящих из представителей стран Юго-Западной Азии.

Заключение. Описанные в работе культурно-национальные особенности иранцев представляют собой знаниевую базу межкультурной компетенции педагогов, работающих с исследуемым контингентом учащихся. Полученные в ходе анкетирования данные могут помочь в разработке эффективных национально-ориентированных учебных и учебно-методических материалов по различным дисциплинам, адресованных иранским студентам.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

иностранцы студенты, национально-культурные особенности, анкетирование, межкультурная компетенция, иранские студенты, общепедагогические принципы

Для цитирования: Аль-Кайси А. Н., Чернышкова Н. В., Гончар М. С. Иранские студенты в российском вузе: на пути к построению эффективной межкультурной учебной коммуникации // Перспективы науки и образования. 2025. № 5. С. 262–277. <https://doi.org/10.32744/pse.2025.5.17>

Поступила: 11.04.2024 | Одобрена: 25.06.2025 | Опубликовано: 31.10.2025

Лицензия «С указанием авторства — С сохранением условий». Позволяет перерабатывать, исправлять и развивать произведения при условии указания авторства и лицензирования производных работ на аналогичных условиях.

Iranian Students in Russian Universities: Building Effective Intercultural Learning Communication

A. N. AL-KAISI, N. V. CHERNYSHKOVA, M. S. GONCHAR

ABSTRACT

Introduction. The strategic partnership between Russia and Iran continues to strengthen, leading to increased academic mobility. A significant rise in Iranian student enrollment at Russian universities is anticipated in the near future. This underscores the importance of the present study's focus: facilitating effective Russian-Iranian educational communication and addressing the learning needs of Iranian students.

Research Objective: To identify and synthesize key sociocultural information about Iranian students that is crucial for their successful integration and intercultural communication in Russian academic environment, particularly in teacher-student interactions.

Materials and Methods. The research employed a mixed-methods approach: 1) an analytical literature review of sources examining Iranian sociocultural characteristics, Iran's history, Iran-Russia relations, and contemporary scientific/economic developments in Iran; 2) Online surveys of Iranian students enrolled in educational programs at I.M. Sechenov First Moscow State Medical University; 3) content analysis of survey responses, visualized through word clouds and radar charts.

Results. Integrating literature review and empirical data, the study: 1) analyzed 26 scholarly sources to identify 7 key cultural characteristics influencing Russian-Iranian academic communication; 2) surveyed 63 students from the Islamic Republic of Iran (n=63; 38 male and 25 female participants aged 18-23) who self-identified with Persian culture; 3) through content analysis of their responses, the study identified and visualized a) key self-presentation characteristics of Iranian students (n=29); b) key characteristics reflecting Iranian students' perceptions of Russians (n=26); c) attributes of Iranian expectations of an "ideal" educator (n=18); d) 4 preferred forms of learning activities (group project work, collaborative group tasks, interview with a teacher, oral examinations). The study proposes a communicative and activity-based approach alongside three pedagogical principles for teaching Iranian student groups: intercultural dialogue, reward/withholding reinforcement and transparent assessment extendable to multinational groups from Southwest Asia.

Conclusion. The sociocultural profile of Iranians described in the current study serves as a knowledge base for developing teachers' intercultural competence. Survey-derived insights can guide the creation of ethnoculturally adapted materials for Iranian students across disciplines.

KEYWORDS

international students, national and cultural characteristics, survey research, intercultural competence, Iranian students, pedagogical principles

For Citation: Al-Kaisi, A. N., Chernyshkova, N. V., & Gonchar, M. S. (2025). Iranian Students in Russian Universities: Building Effective Intercultural Learning Communication. *Perspektivy nauki i obrazovaniya = Perspectives of Science and Education*, (5), 262–277. <https://doi.org/10.32744/pse.2025.5.17>

Received: 11 April 2025 | Approved: 25 June 2025 | Published: 31 October 2025

This is an open access article distributed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike International License (CC-BY-SA 4.0) that allows others to share the work with an acknowledgement of the work's authorship and initial publication in this journal

ВВЕДЕНИЕ

Современный этап международного взаимодействия в рамках таких объединений, как БРИКС [1] характеризуется интенсификацией диалога с иностранными партнёрами. Эффективность такого сотрудничества обусловлена, в том числе, учётом социокультурных особенностей стран-участниц. По справедливому замечанию Е.Ю. Андреевой, в условиях нарастающей интернационализации и глобализации «понятие «уникальная национальная культура» подвергается существенной трансформации, уступая место активно реализующейся концепции «диалога культур» [2, с. 124].

В 2021 году между Россией и Ираном было подписано двустороннее соглашение об учреждении и условиях деятельности культурных центров [3], в рамках которого Министерствами культур России и Ирана иницируются многочисленные государственные программы культурного сотрудничества двух стран [4, с. 138-141].

С 1 января 2024 года Исламская Республика Иран становится полноправным членом БРИКС [5]. А 17 января 2025 года между Россией и Ираном был подписан Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве [6], выводящий отношения двух стран на новый позитивный уровень развития не только в области политики, торгово-экономической и военной сфере, но и в культурно-гуманитарном секторе. Статья 30, пункт 2 настоящего договора закладывает основы для продуктивного научного сотрудничества российских и иранских университетов.

Согласно данным государственного информационного агентства ТАСС, численность иранских студентов в России в 2024 году составила 8 тыс. [7] Ежегодно растущее количество иранских студентов в российских вузах неуклонно повышает интерес и внимание исследователей в сфере образования к данному контингенту учащихся [8]. К трудностям учебной работы в иранских группах относят культурологические и этические барьеры, возникающие между педагогами и студентами, а также проблемы дисциплинарного плана. Однако, по глубокому убеждению авторов, возникающие сложности вызваны в первую очередь недостаточным развитием межкультурной компетенции обеих сторон-коммуникантов [9; 10]. Миссия педагогов сферы международного образования видится в детальном и глубоком осмыслении данных проблем и вопросов [11] с целью составления рекомендаций по эффективной адаптации иностранного контингента к условиям российского образования как на коллективном, так и на индивидуальном уровне [12].

Целью настоящей работы стало выявление и обобщение основной социокультурной информации об иранском контингенте учащихся, значимой для ведения комфортной учебной межкультурной коммуникации преподавателей и студентов в российских вузах.

Под комфортной учебной коммуникацией авторы понимают такую учебную среду, которая способствуют эмоциональному благополучию как студентов, так и преподавателей [13]. В условиях международного образования комфортное учебное общение должно быть направлено также на избежание/преодоление межкультурных конфликтов, сокращение случаев взаимного недопонимания, проведение успешного и продуктивного «диалога культур».

Задачами исследования стали:

1. анализ научной литературы, посвященной истории и культуре Ирана, культурным и национальным особенностям иранцев;
2. выделение культурных и национальных особенностей исследуемого контингента, способных так или иначе влиять на процесс русско-иранского учебного общения;
3. проведение онлайн-анкетирования среди иранских студентов Первого МГМУ им. И.М. Сеченова с целью: а) выявить актуальные описательные характеристики самопрезентации иранцев, а также их распространенные представления о русском народе; б) создать портрет идеального педагога; в) выявить наиболее привлекательные и интересные для исследуемого контингента формы учебной работы;
4. систематизация и описание результатов анализа литературных источников и данных онлайн-анкетирования;
5. рекомендация и обоснование некоторых общепедагогических подходов и принципов для учебной работы в иранских аудиториях учащихся.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В исследовании применялись обзор литературных источников, онлайн-анкетирование (в онлайн-сервисе Yandex.Forms) на русском и английском языках, контент-анализ полученных данных, результатом которых стали составление облака слов (с помощью онлайн-сервиса Wordscloud) и визуализация данных в виде лепестковой диаграммы (в Microsoft Excel).

Предложенная для заполнения учащимся онлайн-анкета подразумевала анонимность и включала всего девять вопросов (8 из которых – вопросы открытого типа, и 1 – оценивание по шкале):

1. Ваша родная страна.
2. Кто Вы по национальности?
3. Ваш пол.
4. Сколько Вам полных лет?
5. Как долго вы учитесь / живёте в России?
6. Приведите 3-5 слов, которые, на Ваш взгляд, лучше всего описывают качества и национальный характер вашего народа.
7. Приведите 3-5 слов, которые, на Ваш взгляд, лучше всего описывают качества и национальный характер русского народа.
8. Приведите 3-5 слов, описывающих качества высокопрофессионального педагога / учителя / преподавателя.
9. По шкале от 0 до 10 (где 0 – абсолютно неэффективно и 10 – очень эффективно) оцените эффективность предложенных формы учебной работы на занятиях в университете согласно Вашим представлениям об идеальном занятии [Позиции списка: *лекция преподавателя с презентацией, самостоятельная работа с наглядным пособием или онлайн-курсом, видео-лекция и онлайн-тест, демонстрация учебного фильма, устный опрос преподавателя, беседа/дискуссия с преподавателем, работа в группах, выполнение проекта в группе и конкурс проектов*].

В анкетировании приняли участие в общей сложности 162 иностранных студента ($n=162$), обучающихся в Первом МГМУ им. И.М. Сеченова по международным программам (на английском языке) трех медицинских специальностей: лечебное дело, фармация и стоматология. В соответствии с целью исследования для проведения количественного и качественного анализа собранных данных были отобраны лишь анкеты респондентов, имеющих гражданство Исламской республики Иран (ИРИ) и идентифицирующих себя как представителей персидской культуры (персы). Количество таких респондентов составило 63 человека ($n=63$) в возрасте от 18 до 23 лет (средний возраст составил 20,5 лет), из них 38 человек мужского пола и 25 – женского. На момент проведения опроса все респонденты проживали в России от 1 до 3 лет и проходили обучение на первом и втором курсе.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Первым этапом исследования стал аналитический обзор корпуса зарубежных и отечественных научных исследований в количестве 26, посвященных краткой истории Ирана, особенностям российско-иранских международных отношений, иранской этнической идентичности и культуре, современному научно-технологическому прогрессу Ирана и особенностям работы в ираноязычных аудиториях учащихся. Далее приведена «выжимка» из проведенного обзора, значимая, на наш взгляд, для процесса межкультурной коммуникации преподавателя и студента.

1. Результаты аналитического обзора литературных источников

1. *Иран – многонациональная и многоконфессиональная страна* [14]. Самые многочисленные этносы, проживающие на территории ИРИ, это персы, азербайджанцы, курды, луры, арабы, белуджи и туркмены. Также важно понимать, что Иран – теократическое государство. Официальной религией страны признан ислам шиитского толка, что закреплено 12 статьей Конституции страны [15]. Однако, несмотря на преобладающее большинство мусульман, статья

13 Конституции ИРИ признает гражданские и религиозные свободы и за иными верованиями (иранскими зороастрийцами, иудеями и христианами).

Каждый из этносов Ирана с особым трепетом и любовью относится к своей культуре: «национальная гордость, бережное отношение к национальным традициям относятся к важным качествам характера иранского народа» [16, с. 71]. Очевидно, что любовь к родине и семье можно выделить в качестве национальной характеристики любого народа, однако, студентам из дальнего зарубежья, проживающим в чужой стране и столкнувшимся «с многообразием окружающих их этносов и культур» в большей степени свойственен «осознанный (когнитивный) интерес <...> к этническим аспектам собственной идентичности» [17, с. 107]. Самый положительный отклик и даже восхищение в связи с этим вызывает упоминание в группе иранских студентов личностей великих людей истории Ирана, повлиявших на развитие мировой цивилизации в целом, например поэтов: Хафиз, Саади, Омар Хайям, Руми; писателей: Низами Арузи, Мухаммад Кадири; врачей и ученых: Абу-Райхан Бируни, Ибн Сина, Аль-Хорезми и др. Для продуктивного русско-иранского «диалога культур» в общении с иранцами следует подчеркивать и общность наших стран: «Культура и России, и Ирана — совокупный результат развития культур разных этносов и влияния разных конфессий» [18, с. 139].

2. Современный Иран – это активно развивающаяся технологичная страна. «Ни Запад, ни Восток – Исламская Республика» – таков был девиз развития Ирана после победы Исламской революции в 1979 году [18, с. 136]. И по сей день Иран следует данному девизу, благодаря чему, за более чем 40 лет санкций Иран не только не оказался в изоляции, но и стал крупнейшим игроком на политической и экономической арене Евразийского континента [19]. В настоящий момент в стране «быстро растут газовая промышленность, нефтепереработка и нефтехимия, фармацевтика» [20, с. 45], активно развивается и собственное автомобильное производство.

Отдельного внимания заслуживают достижения Ирана в области медицины [21]. По данным Информационного агентства Исламской Республики, каждый год Иран посещают около миллиона медицинских туристов из Афганистана, Ирака, Азербайджана, Омана, Кувейта, Бахрейна, Катара и Саудовской Аравии [22]. Медицина в Иране привлекает туристов качественными услугами, высокой квалификацией врачей и современным оборудованием в сочетании с низкой стоимостью лечения и относительной ценовой доступностью лекарственных препаратов. Следует отметить, что наибольших успехов страна достигла в области трансплантологии, в особенности пересадки костного мозга [23], лечении бесплодия [24] и фармацевтической промышленности [25]. Иран почти полностью самодостаточен в сфере производства лекарственных средств и медицинского оборудования. Именно поэтому спрос на медицинские специальности в Иране крайне велик, что обусловило и невероятно высокую конкуренцию между абитуриентами, претендующими на поступление в медицинские учебные заведения страны, и как следствие – стремление иранцев получить медицинское образование за рубежом. Россия как дружественная страна с качественным медицинским образованием и относительно невысокой стоимостью обучения в этом плане крайне привлекательна для иранских студентов-медиков.

3. Приобщение иранской культуры к арабской весьма ошибочно и часто оскорбительно для персов как доминирующей нации в Иране. Несмотря на сильное влияние арабской культуры в Иране, персидская культура крайне самобытна [26]. По происхождению персы являются индоевропейским народом. И до сих пор в современном Иране распространены зороастрийские верования и традиции [27]. Так, например, одним из самых крупных национальных праздников являются праздники, связанные именно с этой древней религией: ночь Ялды и Навруз. А языковую политику современного Ирана отличает «планомерная борьба за очищение персидского языка от иноязычных элементов», в том числе борьба «против арабизмов» [28, с.115].

4. Россия и Иран вписаны в противоположные историко-патриотические картины мира [18; 29]. Так, например, восхваление древнегреческой и древнеримской истории и культуры, исторических личностей, связанных с ними, в лучшем случае вызовет недоумение у иранцев – потомков великой Персидской империи, имевшей многочисленные военные конфликты с Древней Грецией и Римской империей. Упоминание Петра I также не вызовет положительной реакции в иранской аудитории учащихся, хорошо знакомых с историей своей страны. Многовековая борьба за национальные интересы и влияние обеих стран [29] породила несколько крупных военных конфликтов и унесла множество жизней, в том числе и жизнь выдающегося русского писателя, историка, востоковеда и дипломата Александра Сергеевича Грибоедова [29, с. 71]. При этом, важно

отметить, что в исторической ретроспективе Россия в глазах иранцев предстает страной-завоевателем: «Многие иранцы и по сей день воспринимают Россию как агрессора и колонизатора», потому что «не могут смириться с отходом к России по Гюлистанскому (1813) и Туркманчайскому (1828) договорам территорий, ранее принадлежавших иранскому государству» [18, с. 140]. Взаимоотношения коммунистического СССР и Ирана, включая период Второй мировой войны также являются периодами политического противоборства наших стран [30]. Авторы статьи ни в коем случае не советуют российским преподавателям избегать упомянутых тем, исторических событий и личностей, но рекомендуют подготовить подробный культурологический комментарий, учитывающий разницу в восприятии исторических событий нашими народами.

5. *Современные иранцы неединодушны относительно религиозных взглядов, будущего родной страны, выбранного политического курса и пр.* Картина мира иранцев сегодня есть удивительный продукт слияния или же, наоборот, противоборства (многое зависит от традиций и ценностей конкретной семьи) трёх разных составляющих [31]: 1) доисламской и исконно персидской культуры, основанной в большей степени на зороастрийских представлениях о мире, 2) исламской культуры и 3) западной культуры, активно влиявшей на сознание людей в начале XX века, до Исламской революции 1979 года. В связи с этим в группах иранских студентов может наблюдаться расхождение мнений относительно некоторых этических и нравственных вопросов, к примеру, вопросов о правах и свободах женщины [32], религиозных вопросов (по опыту работы авторов в иранских группах, среди студентов сегодня в равной степени встречаются как мусульмане, так и светские гуманисты, и атеисты), политических аспектов и пр. Преподаватели истории, политологии, культурологии, этики, да и других дисциплин, в ходе изучения которых могут быть затронуты упомянутые дискуссионные аспекты, должны быть готовы к возможным микроконфликтам в иранских группах, и иметь в арсенале средства их устранения (деэскаляционные высказывания, приёмы переключение внимания, отсрочки и пр.). Справедливо заметить, что подобное разделение населения на противоборствующие мировоззренческие группы вполне естественно для любого крупного государства.

6. *Иранцы активны и общительны.* Как и многие представители культур Юго-Западной Азии, иранцы словоохотливы, любят вести оживлённые диалоги с собеседниками, не боятся перебивать их, выражая своё мнение, склонны к активной жестикуляции, мимике и открытому проявлению эмоций. Молодое поколение иранцев в дополнение к этому отличается открытостью ума (open-mindedness) и культурной эмпатией [33]. В коммуникативной традиции общения иранцев следует «отметить, прежде всего, их очень большую вежливость, обходительность, тактичность, заботу об окружающих» [34, с. 139]. На это ориентирована и их насыщенная официальными клише коммуникативная культура, а также природное любопытство, эмпатия и широта взглядов в особенности у молодого поколения. В целом, иранские студенты «обычно переносят принятые в Иране речевые правила и формулы на русскую почву» [35, с.122]. Это можно заметить в склонности иранцев всегда сначала проявить интерес к личной жизни педагога, спросить о том, как у него дела, как живёт его семья, как его здоровье, прежде чем перейти к сути вопроса. Особенно это заметно при переписке в мессенджерах. Для непосвященных российских коммуникантов данная особенность превращается в раздражающий фактор. Рассуждения российского реципиента подобных обращений могут быть следующими: «Мы не так близки, чтобы вы интересовались моей семьей или моими делами» или «Почему вы тратите время на светские беседы? Говорите уже, что вам нужно».

Стремление иранцев обязательно сказать «профессор», «господин/госпожа» или «мистер/мисс/миссис», задавать одни и те же вопросы по несколько раз в надежде услышать другой ответ (ведь настроение и расположение собеседника могло измениться) или долгие развернутые извинения с подробнейшим объяснением всех обстоятельств несостоявшегося дела также можно обосновать традициями общения родной для них культуры. Преподавателю полезно знать и то, что, как и многие представители восточных культур, иранцы избегают давать резкие и однозначные отказы в форме слова «нет». Для того, чтобы не обидеть чувства собеседника, иранец вполне может и согласиться с его мнением или предложением, однако данное согласие не будет для него ничего значить. Очевидно, что подобное вербальное поведение иностранных учащихся, столь явно не вписывающееся в традиции межличностного общения русских людей, требует культурного комментария со стороны педагога, столкнувшегося с проблемой. Важно, чтобы этот комментарий был тактичным, сдержанным, направленным на «диалог культур», а не критику сложившейся в Иране традиции общения (например, «Я понимаю Вас! Вы хотите показать неравнодушие. Однако в России так не принято. Необходимо поздороваться, извиниться за

беспокойство и сразу задать интересующий вопрос. Желательно сделать это в одном сообщении, чтобы проявить понимание и уважение к плотной занятости собеседника»).

7. *Иранцы обладают обостренным чувством справедливости.* Концепция мира тесно связана с понятием социальной справедливости в исламской традиции [36, с. 282]. Однако он прочно укоренился и в светской жизни иранцев. Пятилетний опыт педагогической работы авторов исследования с иранскими группами показывает, что иранцы проявляют необычайную чувствительность к завышенным или заниженным, по их мнению, оценкам педагога, могут прямо и открыто задавать преподавателю вопросы об основаниях проставления той или иной оценки, и даже могут, что называется, «выдавать» нечестные поступки своих же соотечественников, такие как списывание на экзамене. Стремление иранцев к социальной справедливости особенно ярко отличает их от представителей восточноазиатских национальностей: например, китайцев или вьетнамцев, которые не будут оспаривать решение педагога даже если считают его крайне несправедливым, ведь терпимость и уважение к старшим в их культурной традиции во много раз важнее борьбы за справедливость.

II. Результаты онлайн-анкетирования

Целью анкетирования было выявление актуальной социокультурной информации о современных иранских учащихся, а именно: их представлений о себе как представителях нации, о русских, об идеальном педагоге и интересных формах учебной работы.

Первые пять вопросов анкеты (см. «Материалы и методы») помогли авторам отобрать только ответы граждан Исламской Республики Иран, идентифицирующих себя представителями персидской культуры, и собрать информацию об этом контингенте: пол, возраст, продолжительность пребывания в России. Как уже отмечалось в разделе «Материалы и методы», все респонденты проживали и обучались на территории Российской Федерации от 1 до 3 лет, а следовательно, имели достаточно продолжительный опыт непосредственного «диалога» с русской культурой, российскими преподавателями и студентами. Это важно учитывать при анализе ответов респондентов на последующие вопросы.

Следующие два вопроса анкеты дали представления о том, как иранские студенты воспринимают себя и как понимают и представляют русских (см. рис. 1).

Рисунок 1 Ответы иранских студентов на шестой и седьмой вопросы онлайн-анкеты, представленные в виде облаков слов

Ключевые описательные характеристики иранцев в отношении самих себя в сравнении с их описанием представителей русского этноса часто носят антонимичный характер. Так, например, иранцы видят и воспринимают себя как теплых, общительных, энергичных, улыбчивых людей, тогда как русские в их понимании холодные, спокойные, строгие, серьезные, воинственные. При этом такие качества, как «красота», «доброта», «гостеприимство» и «патриотизм» присутствуют в обоих портретах наций, но в разных долях. Характеристики «агрессивный» и «жестокый» встречаются в описании характера только русских людей, что вполне можно объяснить упомянутыми ранее противоположными историко-патриотическими картинами мира.

Рисунок 2 Ответы иранских студентов на восьмой вопрос онлайн-анкеты, представленные в виде облака слов

Восьмой вопрос анкеты помог собрать представления иранцев о профессиональных и человеческих качествах идеального преподавателя (см. рис. 2). Такой преподаватель, по мнению респондентов, должен быть в первую очередь, справедливым и вежливым, уважительным к учащимся и толерантным к другим культурам. Отметим, что респонденты особенно выделили характеристики «справедливый» и «честный», в чем авторам исследования видится проявление обостренного чувства справедливости, свойственного национальному характеру респондентов. Однако выделение данных характеристик можно интерпретировать и «от противного», то есть как не вполне удачный опыт общения студентов с преподавателями. Примечательны и слегка конфликтующие характеристики «строгий» и «дающий свободу» в собранном портрете преподавателя. Авторы предполагают, что здесь имело влияние упомянутое разногласие мнений в картине мира современных персов (противоборство доисламских, исламских и западных представлений о мире). В любом случае, ответы респондентов по данному вопросу помогают выявить острые темы или «болезненные точки» в коммуникации российских педагогов с иранскими группами и условно обрисовывают портрет преподавателя, способного создать комфортную для иранцев учебную среду.

Заключительный вопрос анкеты определил наиболее предпочтительные для респондентов формы учебной работы из предложенного списка, который включал 4 формы наглядной учебной деятельности, основанные в большей степени на самостоятельной индивидуальной работе учащихся, и 4 формы коммуникативной учебной деятельности, основанные на коллективной активности. Каждая из форм работы оценивалась респондентами по 10-балльной шкале эффективности, где 0 – это абсолютно неэффективная форма работы и 10 – максимально эффективная. Средний арифметический балл в оценке респондентов каждой из форм представлен в диаграмме на рисунке 3.

Рисунок 3 Результат оценки эффективности предложенных форм учебной работы иранскими студентами (средний арифметический балл от 0 до 10)

Выбор студентов был сделан в пользу коллективных и коммуникативных форм учебной работы. Суммарное количество баллов (34,3), которые заслужили в оценке респондентов коллективные коммуникативные формы работы, более чем в два раза превышает количество баллов, которые были присвоены формам, направленным на более пассивную, наглядную, самостоятельную работу (15,1).

III. Рекомендуемые подходы и принципы для работы в иранских группах

На базе анализа полученных данных авторы исследования постарались выделить общие принципы и подходы, отвечающие интересам, потребностям и национальным особенностям иранских учащихся и в перспективе способствующие созданию комфортной учебной среды при работе с исследуемым контингентом. Далее приведем и поясним каждый из них.

1. Коммуникативно-деятельностный подход. Данный подход согласуется со стремлением иранцев к общению [37], публичной активности и межличностной коммуникации [38] и может проявляться в выборе преподавателем более деятельностных и направленных на коммуникацию форм учебной работы взамен традиционным (разумеется, где это возможно): например, в постановке проблемных вопросов, использовании кейс-метода, дискуссий или бесед, работе в группах [39] и пр.

2. Принцип диалога культур, хорошо знакомый как российскому [40], так и зарубежному [41] поликультурному образованию. Он определяется как образовательная технология, направленная на «встречу двух культур и на ее основе процесс осознания их общности и своеобразия, глубокого познания своей культуры и проникновения в инациональную» [40, с. 139]. Реализация данного принципа является важнейшим условием для формирования межкультурной компетенции педагога и иностранных студентов, преодоления влияния стереотипических предубеждений в процессе кросскультурного общения. Его применение со стороны педагога подразумевает: 1) проявление внимания, интереса к реалиям иностранной и русской культуры (упоминание исторических личностей, событий, традиций, конечно, когда это подразумевает контекст учебного материала; поздравление с национальными праздниками, предоставление культурологического комментария); 2) проявление терпимости, толерантности к национальным особенностям иностранной аудитории учащихся; 3) намеренную постановку культурологических вопросов (конечно, когда этого предполагает контекст учебного мате-

риала) для развития живого диалога или полилога культур в многонациональной аудитории. Применение принципа диалога культур поощряет национальную гордость каждого из участников диалога, демонстрирует уважительное отношение и внимание друг к другу, и, что самое важное, повышает осведомленность сторон-коммуникантов о национальных особенностях, традициях и обычаях, истории и культуре разных народов.

3. *Принцип поощрения или его отсутствия.* Данный принцип представляет собой авторскую компиляцию общепедагогических постулатов о поощрении и оценивании. Принцип предполагает наличие положительного поощрения работ учащихся при видимом отсутствии отрицательных оценок. Это в большей степени условный принцип, который направлен на отказ от использования неудовлетворительных оценок работ в пользу определенных «баллов» за проделанный, пусть и несовершенный труд. В рамках такого же принципа действует и известная в российской системе образования балльно-рейтинговая система, при которой студент может получить от минимального до максимального балла за выполненную работу и копить данные баллы в течение всего курса дисциплины. За невыполненную работу студент не получает баллы вовсе, что, конечно, негативно влияет на его успеваемость по курсу, но не задевает чувство социальной справедливости, как это может сделать отрицательная оценка «неудовлетворительно».

4. *Принцип «прозрачной» оценки.* Такой принцип подразумевает готовность педагога к открытой и доступной аргументации проставленной оценки/балла, «ошибок» студентов при наличии таковых, а также причин возможной разницы оценок в сравнении с другими студентами; данный принцип также является авторским и коррелирует с обостренным чувством справедливости иранцев и портретом идеального педагога.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Собранная в работе культурологическая информация систематизированы также в трудах М.С. Каменевой [16; 28] и F. Saboori, R. Pishghadam [et al.] [31], в которых авторы, как и мы, выделяют коллективистский дух иранской коммуникативной культуры, её особую ритуальность. Изложенные в настоящем исследовании особенности внутривнутриполитического устройства и политико-экономического развития страны находят отражение и также резюмированы в работах Е.В. Дунаевой [18] и А.С. Богачевой [20]. Е.В. Дунаева [18], как и мы, акцентирует внимание на значимости учета данных характеристик для успешной русско-иранской межкультурной коммуникации.

Настоящее исследование же отличается тем, что оно заключает в себе краткую «выжимку» как исторической, политико-экономической, социологической, так и культурологической информации об Иране и иранцах, представляя наиболее актуальную и значимую для построения эффективной учебной межкультурной коммуникации с иранскими студентами и формирования межкультурной компетентности педагога. В целом, вся представленная в данном исследовании культурно-значимая информация имеет целью предупредить педагогов о возможных трудностях в процессе русско-иранского общения и потенциальных кросскультурных конфликтах, а также даёт необходимые знания для их преодоления. Важность подобной работы над преодолением кросс-культурных барьеров и стереотипов подчеркивают в своей работе Т.А. Zhukova, E.V. Sorokina, S.Yu. Dronova [et al.] [10].

Результаты анкетирования дополняют культурно-национальный портрет иранцев и помогают понять, как они воспринимают себя и русских. Так, характеристики «общительный», «добрый», «гостеприимный», «дружелюбный», выделенные в автопортрете иранцев, ярко контрастируют на фоне характеристик «спокойный», «холодный», «хладнокровный», «строгий», «воин», присвоенных русским в оценке иранцев. Это подчёркивает важность для исследуемого контингента тёплых межличностных мирных взаимоотношений, вежливого общения, дружбы. К подобным выводам, анализируя, однако, более молодой контингент иранцев (школьников), приходят и авторы Z. Cheraghi и P. Karamimehr [33]. Понимая это, становится неудивительным, что русский национальный характер воспринимается иранцами на контрасте, а потому удивляет своей отрешённостью и холодностью. В связи с этим восприятие русских иранцами требует дополнительного внимания со стороны преподавателей, так как исторически сложившиеся стереотипы могут отрицательно влиять на межличностные отношения.

Анкетирование было также направлено на выявление актуальной информации о том, каким должен быть идеальный педагог и каким исследуемый контингент видит эффективный урок.

Идеальным в представлении иранцев стал «справедливый», «толерантный» («уважающий другие культуры»), «вежливый» и «честный» педагог, что свидетельствует в пользу выделенного в исследовании обострённого чувства справедливости – как национальной черты персов (и в целом народов с мусульманским большинством). Важность социальной справедливости для иранцев подтверждает и исследование Д. Ранджбара и О.С. Чикризовой [36].

Предпочтение иранцами коммуникативных и деятельностных методов обучения в ходе занятий коррелируют с выводами, сделанными В. Резвани [37] об эффективности коммуникативных методов в иранских группах, а также А.М. Резаи и П. Голестана [35] о важности развития культуры русского речевого общения в иранской аудитории. Примечательна также высокая оценка значимости развития коммуникативных навыков иранских студентов-медиков, представленная в исследовании N.Y. Kandevani, A. Labaf, A. Mirzazadeh [et al.] [39].

Тем не менее заметим, что в рамках данного исследования трудно сказать, продиктован ли выбор коллективных и коммуникативных форм работы национальной склонностью иранцев к межличностному общению или же стремлением молодых учащихся (средний возраст респондентов, напомним, составил 20,5 лет) облегчить или увеселить поставленные учебные задачи, работая в группе, а может и рядом иных причин. В любом случае, комфортная учебная работа видится респондентам в большей степени как коллективная групповая деятельность, в чем можно найти и отражение активного и общительного национального характера иранцев.

Практическая значимость настоящего исследования заключается в конкретных подходах и принципах организации учебной работы с иранскими студентами. Коммуникативно-деятельностный подход выделен авторами в качестве рекомендуемого для иранской аудитории учащихся, так как такой подход отвечает упомянутым национальным особенностям иранцев и способствует созданию более интерактивной и мотивирующей учебной среды для учащихся, что подтверждает исследование S. Rahimi [38]. Принцип диалога культур способствует установлению лучшего взаимопонимания и снижению межкультурных барьеров. Эти выводы находят отражение в работах Е.А. Быстровой, С.И. Львовой, В.И. Капинос и др. [40] и Q. Chen [41]. Диалог культур особенно актуален для иранцев, так как уважение и внимание к их культурной идентичности является критически важным фактором комфортного обучения. Принцип поощрения или его отсутствия наряду с принципом «прозрачной» оценки составляют новизну работы, так как они, хоть и основаны на общепедагогических постулатах о поощрении и оценивании, были адаптированы и рекомендованы авторами для специфического контекста обучения иранских студентов: авторы убеждены, что данные принципы способны создать для исследуемого контингента более комфортную учебную среду, не задевающую чувство национальной гордости и упомянутого ранее чувства справедливости иранцев.

Конечно, приведенные принципы и подходы носят общий, рекомендательный характер. Однако подобная обобщенность позволяет рекомендовать их и для учебной работы со смешанными полиэтническими аудиториями, состоящими из иранцев, афганцев, арабов и других выходцев стран Юго-Западной Азии, менталитету которых присущи те же характерные черты: высокая ценность вежливого общения, значимость межличностной коммуникации, трепетное и гордое отношение к родной культуре и истории, обостренное чувство справедливости.

В дальнейшем предложенные принципы и подход могут быть трансформированы в частные педагогические методы и приемы учебной работы на предметных занятиях с иранской или смешанной аудиторией иностранных студентов из Юго-Западной Азии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Резюмируя вышеизложенное, кратко опишем полученные значимые результаты исследования для организации учебного процесса в иранских аудиториях студентов.

1. Анализ специальной литературы по теме позволил систематизировать, описать и прокомментировать основные национальные особенности иранцев. В исследовании наглядно продемонстрировано, что определенные исторические реалии, религия, коммуникативная культура, а также общественные ценности играют важную роль в восприятии иранцами российской образовательной и культурной среды.

2. Данные, полученные в ходе онлайн-анкетирования, определили ключевые характеристики самопрезентации иранцев, среди которых особенно выделяются такие характеристики, как «общительный», «добрый», «гостеприимный».
3. Анкетирование помогло также определить ключевые характеристики русских как нации в представлении иранских студентов, среди которых выделяются «холодный», «хладнокровный», «спокойный», «воин».
4. В исследовании выявлены представления иранских студентов об идеальном преподавателе, который, по их мнению, должен быть, прежде всего, «справедливым», «толерантным», «вежливым» и «честным».
5. Исследование помогло определить потребности и предпочтения иранцев в процессе обучения, в частности их интерес к коммуникативным и коллективным формам учебной работы.
6. На базе полученных данных в работе рекомендованы и обоснованы коммуникативно-деятельностный подход к обучению и 3 принципа организации учебной работы в иранских аудиториях (принцип диалога культур, принцип поощрения или его отсутствия, принцип «прозрачной» оценки), которая учитывала бы национальные особенности представителей персидской культуры, отвечала бы ожиданиям и потребностям иранских студентов, а следовательно, в перспективе могла бы способствовать созданию комфортной образовательной среды для исследуемого контингента студентов.

Важно заметить, что авторы не ставили перед собой цели дать «готовые решения» для эффективного обучения исследуемого контингента, тем более что универсальных решений, подходящих каждой из изучаемых дисциплин, не существует. Данная работа – попытка в общих чертах обрисовать социокультурный портрет современного иранского студента и дать информацию о том, как такой студент воспринимает российского преподавателя, представителя русской культуры в целом, чего ожидает и желает получить от учебного процесса, и что важно учитывать при работе с иранскими группами в целом. Подобная информация помогает определить возможные «точки» конфликтов (не обязательно вербальных, но и внутренних, мысленных) и ситуаций недопонимания в процессе межкультурной коммуникации представителей наших народов и, в частности, учебной коммуникации российского преподавателя и иностранных студентов. Авторы надеются, что описанные в работе социокультурные особенности иранцев станут знаниевой базой для формирования высокого уровня межкультурной компетенции современного педагога, работающего в ираноязычных аудиториях учащихся.

Рекомендованные же в исследовании педагогические принципы были комплексно апробированы на занятиях по русскому языку как иностранному в Первом МГМУ им. И.М. Сеченова в течение первого семестра 2024-2025 учебного года в смешанных ирано-афганских и ирано-арабских аудиториях учащихся. По результатам прошедшего семестра авторы отметили высокую эффективность данных принципов не только в процессе формирования комфортной учебной среды для иностранного контингента учащихся, но и в процессе создания позитивной рабочей атмосферы для самого преподавателя, которая ознаменовалась повышением уровня доверия и уважения студентов к педагогу, улучшением дисциплины и общим повышением уровня мотивации иностранных студентов к процессу обучения. Однако, конечно, данные выводы являются результатами простого наблюдения, и ещё предстоит экспериментально обоснованию в процессе дальнейших исследований.

Итоги же данной работы могут быть положены в основу создаваемых учебных и учебно-методических материалов по различным дисциплинам, адресованных иранским студентам или смешанным группам иностранных студентов с преобладающей долей выходцев из регионов Юго-Западной Азии.

БЛАГОДАРНОСТИ

Авторы выражают благодарность директору Института лингвистики и межкультурной коммуникации Первого МГМУ им. И.М. Сеченова кандидату филологических наук профессору Марковиной Ирине Юрьевне за идейный вклад в настоящее исследование и методологическую помощь в составлении вопросов анкеты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Trivedy A., Khatun M. Importance of BRICS as a regional politics and policies // *GeoJournal*. 2023. Vol. 88. P. 5205–5220. <https://doi.org/10.1007/s10708-023-10883-w>
2. Андреева Е. Ю. Проблемы и перспективы политики мультикультурализма в странах Восточной Азии // *Социально-политические науки*. 2023. Т. 13. № 3. С. 121–126. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54216598> (дата обращения: 01.04.25)
3. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Исламской Республики Иран об учреждении и условиях деятельности культурных центров / Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/60076/ (дата обращения 02.05.2025)
4. Соболева А. С., Карими Р. Э. Культурное наследие Ирана в арсенале "мягкой силы" ИРИ // *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2021. № 1. С. 130–143. <https://doi.org/10.31857/S086919080013586-1>
5. Путин оценил присоединение Ирана к БРИКС и ШОС / Информационное агентство «РИА Новости». URL: <https://ria.ru/20241023/putin-1979609457.html> (дата обращения 15.05.25)
6. Договор о всеобъемлющем стратегическом партнёрстве между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран / Официальные сетевые ресурсы Президента России, 17 января 2025 г. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6258> (дата обращения: 02.05.2025)
7. Посол в РФ сообщил о более 8 тыс. иранских студентов в российских вузах / ТАСС, 16 апреля 2024 г. URL: <https://tass.ru/obschestvo/20563195> (дата обращения: 02.05.2025)
8. Куновски М.Н., Новоселова Н.В. Особенности адаптации иранских студентов к российской образовательной среде // *Педагогический журнал*. 2018. № 8 (3А). С. 146–154. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35557360> (дата обращения: 01.04.25)
9. Yaprak Z., Ozmen K.S. A more critical approach to the intercultural competence: teacher beliefs, practices, and training // *Interchange*. 2025. Vol. 56. No. 2. P. 342–359. <https://doi.org/10.1007/s10780-025-09542-5>
10. Zhukova T. A., Sorokina E. V., Dronova S. Yu. [et al.]. Ethnic stereotypes: eliminating prejudice in intercultural communication // *Amazonia Investiga*. 2024. Vol. 13. No. 77. P. 257–269. <https://doi.org/10.34069/AI/2024.77.05.19>
11. Zhukova T. A., Bryndina V. A., Dronova S. Yu. [et al.]. Intercultural competence in university education: practical approaches to training future specialists // *Interacción y Perspectiva*. 2025. Vol. 15. No. 1. P. 123–138. <https://doi.org/10.5281/zenodo.14031239>
12. Ginzburg O., Apresyan K., Arutyunian V. [et al.]. Factors of individual and group adaptation of students to intercultural communication // *Relações Internacionais no Mundo Atual*. 2024. Vol. 4. No. 46. P. 91–112. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=74526597> (дата обращения: 01.04.25)
13. Nalipay M. J. N., King R. B. & Cai Y. Happy teachers make happy students: the social contagion of well-being from teachers to their students // *School Mental Health*. 2024. Vol. 16. P. 1223–1235. <https://doi.org/10.1007/s12310-024-09688-0>
14. Elling R., Harris K. Difference in difference: language, geography, and ethno-racial identity in contemporary Iran // *Ethnic and Racial Studies*. 2021. Vol. 44. No. 12. P. 2255–2281. <https://doi.org/10.1080/01419870.2021.1895275>
15. Constitution of the Islamic Republic of Iran 1979 / World Intellectual Property Organization. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/text/332330> (дата обращения: 02.05.2025)
16. Каменева М.С. Культура современного Ирана: национальные традиции и вестернизация // *Азия и Африка сегодня*. 2017. № 7 (720). С. 70–74. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29728933> (дата обращения: 01.04.25)
17. Мишина М.М., Коляков Д.А. Этническая идентичность в структуре самосознания студентов-гуманитариев // *Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование*. 2024. № 4. С. 98–111. <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2024-4-98-111>
18. Дунаева Е.В. Россия и Иран: особенности развития и проблемы межкультурной коммуникации // *Обсерватория культуры*. 2014. № 5. С. 135–141. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22958018> (дата обращения: 01.04.25)
19. Fawcett L., Jagtiani S.L. Regional powers, global aspirations: lessons from India and Iran // *International Politic*. 2024. Vol. 61. P. 215–238. <https://doi.org/10.1057/s41311-022-00374-z>
20. Богачева А. С. Иранская модель развития: концепция государства и общества, кризисы и проблемы // *Мировая экономика и международные отношения*. 2024. Т. 68. № 2. С. 39–50. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-2-39-50>
21. Doshmangir L., Bazyar M., Rashidian A., Gordeev V. S. Iran health insurance system in transition: equity concerns and steps to achieve universal health coverage // *International Journal for Equity in Health*. 2021. Vol. 20. Article no. 37. <https://doi.org/10.1186/s12939-020-01372-4>
22. Каждый год Иран посещает миллион медицинских туристов / Информационное агентство Исламской Республики (ИРНА). URL: <https://ru.irna.ir/news/84717050/Каждый-год-Иран-посещает-миллион-медицинских-туристов> (дата обращения: 02.05.25)
23. Ghavamzadeh A., Alimoghaddam K., Ghaffari F. [et al.]. Twenty years of experience on stem cell transplantation in Iran // *Iranian Red Crescent Medical Journal*. 2013. Vol. 15. No. 2. P. 93–100. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/23682320/> (дата обращения: 01.04.25)
24. Langarizadeh M., Fatemi S.A., Nadjarzadeh A. Design and evaluation of a mobile-based nutrition education application for infertile women in Iran // *BMC Medical Information and Decision Making*. 2022. Vol. 22. Article no. 58. <https://doi.org/10.1186/s12911-022-01793-x>

25. Bayati M., Gholami A., Emadi M. [et al.]. Pharmacies' income and its effective factors in Iran: A cross-sectional study // *Health Science Reports*. 2023. Vol. 6. Article no. e1317. <https://doi.org/10.1002/hsr2.1317>
26. Mohammadpour A. Persian orientalism: raciolinguistic ideologies and the construction of 'Iranianness' // *Nations and Nationalism*. 2024. Vol. 30. No. 2. P. 356–375. <https://doi.org/10.1111/nana.12990>
27. Stausberg M., Tamimi A. P., Maleki A. Survey Zoroastrians: Online Religious Identification in the Islamic Republic of Iran // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 2023. Vol. 62. P. 823–844. <https://doi.org/10.1111/jssr.12870>
28. Каменева М.С. Языковая политика в Иране во втором десятилетии XXI века: традиции и инновации // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2017. № 12-2 (78). С. 114–118. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30510000> (дата обращения: 01.04.2025).
29. Кулагина Л. М. Россия и Иран (XIX – начало XX века). Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения. Под ред. Н. М. Мамедова. Москва: Ключ-С, 2010. 272 с.
30. Арабаджян З. А. Иран в годы Второй мировой войны. Москва: КМК, 2023. 253 с.
31. Saboori F., Pishghadam R., Hosseini Fatemi A., Ghonsooley B. Culture and identity: linking Iranian identity components and cultural dimensions // *Issues in Language Teaching*. 2015. Vol. 4. No. 1. P. 78–49. <https://doi.org/10.22054/ilt.2015.3463> (дата обращения: 03.04.2025)
32. Larijani S. Mutahhari, natural rights, and women's exclusion from public life // *The Ecumenical Review*. 2022. Vol. 74. No. 5. P. 735–753. <https://doi.org/10.1111/erev.12743>
33. Cheraghi Z., Karamimehr P. An investigation of multicultural personality traits of Iranian high school EFL learners // *Education Research International*. 2022. Article no. 7629197. <https://doi.org/10.1155/2022/7629197>
34. Филин Н.А., Ходунов А.С. Некоторые особенности персидской культуры поведения в контексте историко-культурной идентичности персидского народа // *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения*. 2019. № 3. С. 131–147. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41388405> (дата обращения: 03.04.2025)
35. Резаи А.М., Голестан П. Обучение культуре русского речевого общения в иранской аудитории // *Высшее образование в России*. 2018. Т. 27. № 6. С. 120–124. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35161103> (дата обращения: 03.04.2025)
36. Ранджбар Д., Чикризова О.С. "Позитивный мир" в исламском восприятии международных отношений: пример внешней политики Ирана // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2023. Т. 23. № 2. С. 278–295. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-278-295>
37. Резвани В. Об эффективности разнонаправленных коммуникативных методов в иранских аудиториях // *Исследовательский журнал русского языка и литературы*. 2023. Т. 11. № 1 (21). С. 225–245. URL: <https://journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/253> (дата обращения: 01.04.25)
38. Rahimi S. The effects of task-based speaking tasks on Iranian university students willingness to communicate and self-efficacy in online classes: a mixed-methods study // *Education Research International*. 2022. Article no. 8041206. <https://doi.org/10.1155/2022/8041206>
39. Kandevari N.Y., Labaf A., Mirzazadeh A. et al. Attitudes toward learning communication skills among Iranian medical students // *BMC Medical Education*. 2024. Vol. 24. Article no. 193. <https://doi.org/10.1186/s12909-024-05140-8>
40. Быстрова Е.А., Львова С.И., Капинос В.И. и др. Обучение русскому языку в школе: учеб. пособие для студентов пед. вузов. Под ред. Е.А. Быстровой. Москва: Дрофа, 2004. 240 с.
41. Chen Q. Enhancing cross-cultural educational awareness: experimental study on immersive experiences using virtual reality // *British Educational Research Journal*. 2025. Vol. 51. P. 687–704. <https://doi.org/10.1002/berj.4089>

REFERENCES

1. Trivedy A., Khatun M. Importance of BRICS as a regional politics and policies. *GeoJournal*, 2023, vol. 88, pp. 5205–5220. DOI: 10.1007/s10708-023-10883-w
2. Andreeva E. Yu. Problems and Prospects for Multiculturalism Policy in East Asia. *Sociopolitical Sciences*, 2023, vol. 13, no. 3, pp. 121–126. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54216598> (accessed 1 April 2025)
3. Agreement on the Establishment and Operation Framework of Cultural Centers between the Government of the Russian Federation and the Government of the Islamic Republic of Iran. The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation Official Website. Available at: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/60076/ (accessed 02 May 2025)
4. Soboleva A., Karimi R. E. Iran's Cultural Heritage in the "Soft Power" Arsenal of the Islamic Republic of Iran. *Vostok (Oriens)*, 2021, no. 1, pp. 130–143. DOI: 10.31857/S086919080013586-1
5. Putin assessed Iran's accession to BRICS and SCO. RIA Novosti News Agency. Available at: <https://ria.ru/20241023/putin-1979609457.html> (accessed 15 May 2025)
6. The Iranian–Russian Treaty on Comprehensive Strategic Partnership. President of Russia Official Website. Available at: <http://www.kremlin.ru/supplement/6258> (accessed 2 May 2025)
7. The Ambassador to Russia reported over 8,000 Iranian students in Russian universities. TASS: Russian New Agency. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/20563195> (accessed 2 May 2025)
8. Kunovski M.N., Novoselova N.V. Features of Adaptation of Iranian Students to the Russian Educational

- Environment. *Pedagogical Journal*, 2018, vol. 8, no. 3A, pp. 146–154. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35557360> (accessed 1 April 2025).
9. Yaprak Z., Ozmen K.S. A More Critical Approach to the Intercultural Competence: Teacher Beliefs, Practices, and Training. *Interchange*, 2025, vol. 56, no. 2, pp. 342–359. DOI: 10.1007/s10780-025-09542-5
 10. Zhukova T. A., Sorokina E. V., Dronova S. Yu. [et al.]. Ethnic Stereotypes: Eliminating Prejudice in Intercultural Communication. *Amazonia Investiga*, 2024, vol. 13, no. 77, pp. 257–269. DOI: 10.34069/AI/2024.77.05.19
 11. Zhukova T. A., Bryndina V. A., Dronova S. Yu. [et al.]. Intercultural Competence in University Education: Practical Approaches to Training Future Specialists. *Interacción y Perspectiva*, 2025, vol. 15, no. 1, pp. 123–138. DOI: 10.5281/zenodo.14031239
 12. Ginzburg O., Apresyan K., Arutyunian V. [et al.]. Factors of Individual and Group Adaptation of Students to Intercultural Communication. *Relações Internacionais no Mundo Atual*, 2024, vol. 4, no. 46, pp. 91–112. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=74526597> (accessed 1 April 2025).
 13. Nalipay M. J. N., King R. B. & Cai Y. Happy Teachers Make Happy Students: The Social Contagion of Well-Being from Teachers to Their Students. *School Mental Health*, 2024, vol. 16, pp. 1223–1235. DOI: 10.1007/s12310-024-09688-0
 14. Elling R., Harris K. Difference in Difference: Language, Geography, and Ethno-Racial Identity in Contemporary Iran. *Ethnic and Racial Studies*, 2021, vol. 44, no. 12, pp. 2255–2281. DOI: 10.1080/01419870.2021.1895275
 15. Constitution of the Islamic Republic of Iran 1979. World Intellectual Property Organization. Available at: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/text/332330> (accessed 2 May 2025)
 16. Kameneva M.S. The Culture of Modern Iran: National Traditions and Westernization. *Asia and Africa Today*, 2017, vol. 7, no. 720, pp. 70–74. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29728933> (accessed 1 April 2025).
 17. Mishina M.M., Kolyakov D.A. Ethnic Identity in the Structure of Self-Awareness of Humanities Students. *RSUH/RGGU Bulletin. Series: Psychology. Pedagogics. Education*, 2024, no. 4, pp. 98–111. DOI: 10.28995/2073-6398-2024-4-98-111
 18. Dunaeva E.V. Russo-Iranian Cultural Interaction: Problems and Prospects. *Observatory of Culture*, 2014, no. 5, pp. 135–141. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22958018> (accessed 1 April 2025).
 19. Fawcett L., Jagtiani S.L. Regional Powers, Global Aspirations: Lessons from India And Iran. *International Politic*, 2024, vol. 61, pp. 215–238. DOI: 10.1057/s41311-022-00374-z
 20. Bogacheva A. Iranian Development Model: State and Society Concept, Crises and Problems. *World Economy and International Relations*, 2024, vol. 68, no. 2, pp. 39–50. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-2-39-50
 21. Doshmangir L., Bazayr M., Rashidian A., Gordeev V. S. Iran Health Insurance System in Transition: Equity Concerns and Steps to Achieve Universal Health Coverage. *International Journal for Equity in Health*, 2021, vol. 20, article no. 37. DOI: 10.1186/s12939-020-01372-4
 22. Iran Receives One Million Medical Tourists Annually. Islamic Republic News Agency. Available at: <https://ru.irna.ir/news/84717050/Каждый-год-Иран-посещает-миллион-медицинских-туристов> (accessed 2 May 2025)
 23. Ghavamzadeh A., Alimoghaddam K., Ghaffari F. [et al.]. Twenty Years of Experience on Stem Cell Transplantation in Iran. *Iranian Red Crescent Medical Journal*, 2013, vol. 15, no. 2, pp. 93–100. Available at: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/23682320/> (accessed 1 April 2025).
 24. Langarizadeh M., Fatemi S.A., Nadjarzadeh A. Design and Evaluation of a Mobile-Based Nutrition Education Application for Infertile Women in Iran. *BMC Medical Information and Decision Making*, 2022, vol. 22, no. 58. DOI: 10.1186/s12911-022-01793-x
 25. Bayati M., Gholami A., Emadi M. [et al.]. Pharmacies' Income and its Effective Factors in Iran: A Cross-Sectional Study. *Health Science Reports*, 2023, vol. 6, article no. e1317. DOI: <https://doi.org/10.1002/hsr2.1317>
 26. Mohammadpour A. Persian Orientalism: Raciolinguistic Ideologies and the Construction of 'Iranianness'. *Nations and Nationalism*, 2024, vol. 30, no. 2, pp. 356–375. DOI: 10.1111/nana.12990
 27. Stausberg M., Tamimi A. P., Maleki A. Survey Zoroastrians: Online Religious Identification in the Islamic Republic of Iran. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 2023, vol. 62, pp. 823–844. DOI: 10.1111/jssr.12870
 28. Kameneva M.S. Iranian Language Policy in the Second Decade of the XXI Century. *Philology. Theory & Practice*, 2017, vol. 12-2, no. 78, pp. 114–118. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30510000> (accessed 1 April 2025).
 29. Kulagina L. M. Russia and Iran (XIX – early XX century), Russian Academy of Sciences, Institute of Oriental Studies, ed. by N. M. Mamedov. Moscow, Klyuch-C Publ., 2010. 272 p. (in Russ.)
 30. Arabajyan Z. A. Iran during the Second World War. Moscow, KMK Publ., 2023. 253 p. (in Russ.)
 31. Saboori F., Pishghadam R., Hosseini Fatemi A., Ghonsooley B. Culture and Identity: Linking Iranian Identity Components and Cultural Dimensions. *Issues in Language Teaching*, 2015, vol. 4, no. 1, pp. 78–49. DOI: 10.22054/ilt.2015.3463
 32. Larijani S. Mutahhari, Natural Rights, and Women's Exclusion from Public Life. *The Ecumenical Review*, 2022, vol. 74, no. 5, pp. 735–753. DOI: 10.1111/erev.12743
 33. Cheraghi Z., Karamimehr P. An Investigation of Multicultural Personality Traits of Iranian High School EFL Learners. *Education Research International*, 2022, article no. 7629197. DOI: 10.1155/2022/7629197
 34. Filin N.A., Khodunov A.S. Some Peculiarities of the Persian Culture of Behavior in the Context of Historical and Cultural Identity of the Persian People. *RSUH/RGGU Bulletin. Series: Political Science. History. International Relations*, 2019, no. 3, pp. 131–147. Available at: <https://www.elibrary.ru/item>.

- asp?id=41388405 (accessed 3 April 2025).
35. Rezaei A.M., Golestan P. Teaching the Culture of Speech Communication in the Iranian Class. *Higher Education in Russia*, 2018, vol. 27, no. 6, pp. 120–124. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41388405> (accessed 3 April 2025).
 36. Ranjbar D., Chikrizova O.S. Positive Peace in the Islamic Perspective of International Relations: The Case of Iran's Foreign Policy. *Vestnik RUDN. International Relations*, 2023, vol. 23, no. 2, pp. 278–295. DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-2-278-295
 37. Rezvani V. Study the Efficiency of Different Communication Methods Used in Iranian Audiences. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury*, 2023, vol. 11, no. 1 (21), pp. 225–245. Available at: <https://journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/253> (accessed 1 April 2025).
 38. Rahimi S. The Effects of Task-Based Speaking Tasks on Iranian University Students Willingness to Communicate and Self-Efficacy in Online Classes: A Mixed-Methods Study. *Education Research International*, 2022, article no. 8041206. DOI: 10.1155/2022/8041206
 39. Kandevari N.Y., Labaf A., Mirzazadeh A. et al. Attitudes toward Learning Communication Skills Among Iranian Medical Students. *BMC Medical Education*, 2024, vol. 24, article no. 193. DOI: 10.1186/s12909-024-05140-8
 40. Bystrova E.A., Lvova S.I., Kapinos V.I. et al. Russian Language Teaching at School: a Textbook for Students of Pedagogical Universities. Ed. by E.A. Bystrova. Moscow, Drofa Publ., 2004. 240 p. (in Russ.)
 41. Chen Q. Enhancing Cross-Cultural Educational Awareness: Experimental Study on Immersive Experiences Using Virtual Reality. *British Educational Research Journal*, 2025, vol. 51, pp. 687–704. DOI: 10.1002/berj.4089

Авторы

Аль-Кайси Алиса Назаровна

(Россия, Москва)

Кандидат педагогических наук, старший преподаватель
Первый Московский государственный медицинский
университет им. И.М. Сеченова

Доцент

ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации»

E-mail: al-kajsi@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-0919-4721

Scopus Author ID: 57200210830

Чернышкова Наталия Владимировна

(Россия, Москва)

Кандидат филологических наук, доцент
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

E-mail: ronas20007@yandex.ru

ORCID ID: 0009-0003-2744-4269

Гончар Мария Сергеевна

(Россия, Москва)

Кандидат филологических наук, старший преподаватель
Первый Московский государственный медицинский
университет им. И.М. Сеченова

E-mail: eveninghaze@gmail.com

Scopus Author ID: 58547436900

Authors

Alisa N. Al-Kaisi

(Russia, Moscow)

Cand. Sci. (Educ.), Senior Lecturer;
I.M. Sechenov First Moscow State Medical University

Associate Professor

Financial University under the Government of the Russian
Federation

E-mail: al-kajsi@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-0919-4721

Scopus Auth ID: 57200210830

Natalia V. Chernyshkova

(Russia, Moscow)

Cand. Sci. (Philol.), Associate Professor
Financial University under the Government of the Russian
Federation

E-mail: ronas20007@yandex.ru

ORCID ID: 0009-0003-2744-4269

Maria S. Gonchar

(Russia, Moscow)

Cand. Sci. (Philol.), Senior Lecturer
First Moscow State Medical University named after I.M.
Sechenov Sechenov

E-mail: eveninghaze@gmail.com

Scopus Author ID: 58547436900

Вклад авторов

Аль-Кайси А. Н.: концептуализация, методология,
проведение исследования, создание рукописи и её
редактирование, администрирование проекта

Чернышкова Н. В.: создание черновика рукописи,
верификация данных, визуализация

Гончар М. С.: создание черновика рукописи,
верификация данных

Author's contribution

Alisa N. Al-Kaisi: Conceptualization, Methodology,
Investigation, Writing - Review & Editing,
Project administration
Natalia V. Chernyshkova: Writing - Original Draft, Validation,
Visualization
Maria S. Gonchar: Writing - Original Draft, Validation

© Аль-Кайси А. Н., Чернышкова Н. В., Гончар М. С., 2025

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

© Alisa N. Al-Kaisi, Natalia V. Chernyshkova,
Maria S. Gonchar, 2025

The author's declared no conflicts of interest